

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ

Материалы международной конференции
«Типология морфосинтаксических параметров 2014»

Выпуск 1

Москва
МГГУ им. М. А. Шолохова
2014

Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Под редакцией Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Рецензенты: к. ф. н. О. И. Беляев, д. ф. н. Я. Г. Тестелец. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. — 272 с. ISBN 978-5-8288-1555-5

П. В. Гращенков

ИВ РАН — МГУ, Москва

**ДУМАЯ НАЙТИ, или
НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ О РЕГУЛЯРНОСТИ
НЕСОВМЕСТИМОГО**

1. Сложные глаголы образа действия

В дистрибуции тюркских конвербов на *-n* имеется следующая закономерность: данные формы регулярно употребляются с глаголами, задающими образ действия, после которых следует глагол с результивной семантикой:

(1) казахский (интернет)

<i>Мен темекі-ні ойла-п</i>	<i>тап-қан</i>	<i>адам-ды</i>
я табак-Асс думать-Conv	находить-Pfct	человек-Асс
<i>ая-ма-с</i>	<i>е-ді-м.</i>	
жалеть-Neg-Cond	E-Pst-1Sg	

‘Я бы не пощадил человека, который изобрел табак’.

(2) казахский (интернет)

... <i>жаз шыға әртүрлі құстар ұшы-п</i>
лето выходит различный птицы лететь-Conv
<i>келе-ді.</i>
приходить-Pst

‘...когда приходит лето, прилетают разные птицы’.

Такие сложные глаголы (СГ) представлены двумя основными семантическими классами: изменения состояния пациенса, (1), и директивными глаголами, (2). В словарях подобные сочетания отображаются как сложные предикаты, образованные из двух частей, ср. также карачаево-балкарское: «буўуб ёлтюрюрге задушить, придушить», [5: 171], «учуб кетерге, улететь» [5: 689].

Аналогичный анализ получают подобные конструкции и в грамматических описаниях: «Не все глаголы в одинаковой степени могут выражать образ действия. Чаще всего это значение передается сложными глаголами, состоящими из сочетания деепри-

частия и формы изъявительного наклонения: *Осман фермагъа чабыб кетди*, букв. 'Осман на ферму побежав ушел', или 'Осман побежал на ферму'. В этом предложении деепричастие *чабыб* выражает образ действия (бег), *кетди* обозначает чистое действие (уход). Таких глаголов в карачаево-балкарском языке много: *чабыб кетди* 'побежал', *къачыб кетди* 'бежал', *къалыб кетди* 'отстал', *кетиб къалды* 'ушел' и т. д.» [1: 190].

В данных конструкциях, которые мы далее будем называть сложными глаголами (СГ), первая часть, соответствующая способу действия, стоит в форме деепричастия на *-н*, а вторая принимает все релевантные флексии.

2. Дихотомия образ действия vs. результат/направленное движение

С 90-х годов 20-го века в теоретической литературе развернулась оживленная дискуссия, затрагивающая свойства глаголов образа действия и результативных глаголов. А именно, в работе, выполненной в терминах теории лексической декомпозиции [13], были исследованы свойства английских глагольных основ со значением образа действия и основ со значением результата и сформулировано следующее наблюдение:

(3) [11: 2]

Дополнительное распределение способа действия и результата: смысловые компоненты способа действия и результата находятся в дополнительном распределении: только один из них может быть лексикализован некоторым глаголом.

Для того, чтобы понять сделанное в (3) наблюдение, необходимо разобраться с тем, что авторы имели в виду под лексикализацией и как отличить глаголы образа действия от глаголов результата.

Свойство «быть лексикализованным некоторым глаголом» или, что то же, передаваться глагольным корнем, авторы видят как способность глагольной морфемы передавать некоторое значение, инвариантное в различных контекстах, при различном наборе аргументов и т. д., ср., например: "We believe, however, that it is indeed possible to distinguish facets of meaning which are strictly contributed by the verb from other facets of meaning which

may be derived either by the choice of argument or from particular or prototypical uses of that verb in context. We refer to the former as elements of LEXICALIZED MEANING, taken to comprise a verb's core meaning. We suggest that the criterion for lexicalized meaning is constancy of entailment across all uses of a verb" [11: 1].

Глаголы образа действия могут быть представлены русскими лексемами *крутить*, *кромсать*, *тушить*, *лепить* и т. д. Данные глаголы содержат непроизводные корни, характеризующие определенные манипуляции агенса/каузатора с тематическим аргументом. Русский язык при этом располагает средствами превращения глаголов образа действия в результирующие глаголы, сохраняющие при этом компонент 'образ действия'. Чтобы добиться этого, достаточно снабдить глагольные основы соответствующими перфективирующими префиксами, которые и будут задавать результирующее состояние: *закрутить*, *накромсать*, *потушить*, *вылепить*; относительно взгляда на префиксацию как введение результирующего состояния см. [3: 220-239].

Как мы видим по этим примерам, в русском языке наблюдение о несочетаемости способа действия и результата выполняется: беспрефиксные основы выражают лишь значение образа действия; для появления значения результирующей необходимости сопроводить такие основы (задающими результирующее состояние) префиксами, т. е. выйти за пределы процесса «чистой» лексикализации.

Примечательно, что префиксация русских глагольных основ образа действия превращает их в глаголы с результирующим компонентом, но не все глаголы результата обязательно будут при этом совершенного вида. Так, события 'готовить суп', 'есть яблоко', 'углублять яму' имеют внутренний предел, который, однако, не входит в рассмотрение, если в предикации употреблена форма несовершенного вида.

Подобный взгляд на связь предельности и результирующей (как свойства глагольной основы) декларируется в работе [14]. По мнению авторов, все английские основы, имеющие предельную интерпретацию, представляют собой глаголы результата. В то же время, не все глаголы результата всегда будут предельными, в частности, глаголы градуального изменения, будучи

глаголами результата, могут иметь как предельную, так и непредельную интерпретацию:

(4) английский [14]

a. *The chemist cooled the solution for three minutes.*

‘Химик охлаждал раствор три минуты.’

b. *The chemist cooled the solution in three minutes; it was now at the desired temperature.*

‘Химик охладил раствор за три минуты; теперь он был необходимой температуры’.

Вообще было замечено, см., например, [10: 339], что наличие скалярного изменения по одному параметру является общей особенностью всех глаголов результата, что противопоставляет их глаголам способа. При ближайшем рассмотрении глаголы результата типа ‘готовить’, ‘есть’, ‘открывать’, ‘убивать’ и проч. похожи на классические отадъективные скалярные предикаты типа ‘углублять’ и ‘охлаждать’. Действительно, во всех перечисленных случаях ситуации предполагают инкрементальное накопление некоторого свойства (‘быть готовым’, ‘быть съеденным’, ‘быть открытым’, ‘быть убитым’), ограниченное некоторым пределом (который, в свою очередь, задается прямым объектом).

Что касается семантического устройства глаголов способа действия, они скорее представимы как сложное событие, состоящее из нескольких/множества простых, и не могут быть сведены к скалярным изменениям по одному параметру, см. [14: 33].

Далее, свойство скалярности присуще не только глаголам, предполагающим изменение состояния пациента, т.е. глаголам созидания/разрушения (‘готовить’, ‘есть’) и отадъективным предикатам скалярного изменения (‘углублять’, ‘охлаждать’), но и еще одной важной для нас группе глаголов. В эту группу входят глаголы направленного движения, которые, по выражению Раппапорт Ховав и Левин, «лексикализуют шкалу из двух точек» (“lexicalize a two-point path”), см. [14: 32]. Такие глаголы содержат в своем лексическом значении предел, достижение которого фактически эквивалентно достижению пациентом результирующего состояния у глаголов созидания/разрушения либо глаголов скалярного изменения. Это, в числе прочего, выражается в сочетаемости с обстоятельствами типа ‘за X минут’ и неграмматичности с обстоятельствами ‘X минут’:

(5) английский

[14: 32]

*We will arrive/enter/exit in/*for two minutes.*

‘Мы прибудем / войдем / выйдем *(за) пять минут’.

Как можно понять, к данной группе относятся глагольные значения, которые мы определили выше как директивные и которые формируют наряду с собственно глаголами результата выделенные нами для описания тюркские СГ. Это прежде всего предикаты ‘уходить’, ‘приходить’, ‘спускаться’, ‘подниматься’.

Как мы уже сказали, с точки зрения семантики директивы и глаголы результата объединяет общее свойство скалярности: обозначаемый ими предел достигается постепенно с течением времени. Кроме данного семантического свойства у директивов есть еще одно общее свойство с глаголами результата, а именно, согласно Раппапорт Ховав и Левин, они также подчиняются ограничению на несочетаемость со способом действия в рамках одного лексического значения, см. [11: 4].

Важно отметить, что сделанное Раппапорт Ховав и Левин наблюдение о несочетаемости глаголов результата и глаголов направленного движения с глаголами способа действия в рамках одного лексического значения неожиданным образом подтверждается материалом тюркских языков. А именно, в случае, когда нам необходимо выразить одновременно результат либо направленное движение и образ действия, тюркские языки прибегают к конструкциям с СГ. Наличие специальных конструкций, употребляющихся именно для комбинирования глаголов результата / директивов с глаголами способа, подтверждает справедливость наблюдения о несочетаемости значений результата и способа действия.

3. Глаголы образа действия и результата в сочетании с обстоятельствами длительности

Перечисленные выше семантические свойства можно дополнить также следующим наблюдением: «Различия глаголов способа и результата заключаются в том, что у глаголов способа лексическая константа характеризует ... деятельность (activity), в то время как у глаголов результата лексическая константа специфицирует результирующее состояние (она заполняет позицию

переменной ... у шаблонов достижений и свершений (achievement and accomplishment))» [2].

Таким образом, тюркские глаголы результата в форме прошедшего времени могут иметь значение 'вхождение в состояние'. Из этого, в частности, следует, что такие глаголы должны сочетаться с обстоятельствами типа 'за X минут', что мы и наблюдаем в действительности:

(6) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны өлтіре-ді.
Отелло три минуты-Лос Дездемону убивать-Pst.

'Отелло за три минуты убил Дездемону'.

(7) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге түс-ті.
Белый дербник пол минут-Лос на.землю падать-Pst.

'Белый дербник за полминуты упал на землю'.

Этим же свойством, однако, обладают и глаголы образа действия: они также способны сочетаться с обстоятельствами типа 'за X минут':

(8) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-ды.
Отелло три минуты-Лос Дездемону душить-Pst.

'Отелло за три минуты задушил Дездемону.'

(9) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге ұш-ты.
Белый дербник пол минут-Лос на.землю летать-Pst.

'Белый дербник за полминуты слетел на землю.'

Как видно из перевода, глаголы способа в сочетании с обстоятельствами типа 'за X минут' также задают переход ситуации в результирующее состояние, в примерах выше Дездемона оказывается задушенной, а белый дербник достигает земли.

Неудивительно, что и СГ, включающий оба предиката, способ действия и результата, также будет иметь значение изменения состояния:

(10) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-п
 Отелло три минуты-Лос Дездемону душить-Conv
 өлтiре-дi.
 убивать-Pst.

‘Отелло за три минуты задушил Дездемону’.

(11) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге
 Белый дербник пол минут-Лос на.землю
 ұшып кел-дi.
 летать-Conv падать-Pst.

‘Белый дербник за полминуты слетел на землю’.

Можно заключить, что обстоятельства ‘за X минут’ имплицитуют наличие результирующего состояния не только у достижений и свершений, но и у деятельностей (см. также сделанные выше замечания о связи предельности и результирующего состояния). Чтобы увидеть, в чем отличие лексических свойств глаголов образа действия от глаголов результата, обратимся к некоторым другим диагностикам.

4. Семантические свойства глаголов образа действия и глаголов результата

Ниже мы рассмотрим некоторые релевантные с точки зрения тюркской грамматики критерии, позволяющие определить, что перед нами — глагол результата или образа действия, заимствованные в основном из [12] и [10]. В число неприменимых критериев попадут возможность употребления в контексте результирующей группы прилагательного (англ.: *John hammered the metal flat*) и инхоативно-каузативное чередование (англ.: *The window broke vs. Boys broke the window*) — оба этих явления не представлены в стандартной тюркской грамматике.

Первым тестом на принадлежность глагола к классу результата или образа действия будет возможность (или невозможность) отрицания наступившего результата действия. Так, в английских примерах (67) предложения становятся бессмысленными именно в силу того, что употребленный в них глагол результата *break* (‘разбивать’) предполагает наступление некоторого

конечного состояния. В то же время глагол способа действия *sweep* ('подметать') вполне совместим с отрицанием результата их действия:

(12) английский

[10]

a. *#Shane just broke the vase, but nothing is different about it.*

'Шейн только что разбил вазу, но она осталась такой же'.

b. *#Shane just destroyed the house, but nothing is different about it.*

'Шейн только что разрушил дом, но он остался таким же'.

Кроме выявления результирующего состояния тест на отрицание результата способен также отделить предельные предикаты от неопредельных. Как было показано в примерах (6)-(11), и глаголы результата, и глаголы образа действия, и их комбинация в виде СГ сочетаются с телесизирующими обстоятельствами типа 'за X минут'. Тест на отрицание результата подтверждает, что в контексте таких обстоятельств все исследуемые типы глаголов переводят ситуацию в результирующую фазу — все носители отвергали развитие ситуации по сценарию ii):

(13) казахский

Отелло үшминут-та Дездемонаны өлтір-ді.

Отелло три минуты-Лос Дездемону убивать-Pst.

i) 'Отелло за три минуты убил Дездемону'.

ii) #'Отелло за три минуты убил Дездемону... но она все-таки осталась жива'.

(14) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге түс-ті.

Белый дербник пол минут-Лос на.землю падать-Pst.

i) 'Белый дербник за полминуты упал на землю'.

ii) #'Белый дербник за полминуты упал на землю... но все-таки до нее не добрался'.

(15) казахский

Отелло үшминут-та Дездемонаны бауызда-ды.

Отелло три минуты-Лос Дездемону душить-Pst.

i) 'Отелло за три минуты задушил Дездемону'.

ii) #‘Отелло за три минуты задушил Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(16) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге ұш-ты.
Белый дербник пол минут-Лос на.землю летать-Рst.

i) ‘Белый дербник за полминуты слетел на землю’.

ii) #‘Белый дербник за полминуты слетел на землю... но все-таки до нее не добрался’.

(17) казахский

Отелло үш минут-та Дездемонаны бауызда-п
Отелло три минуты-Лос Дездемону душить-Сопv
өлтіре-ді.
убивать-Рst.

i) ‘Отелло за три минуты задушил Дездемону’.

ii) #‘Отелло за три минуты задушил Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(18) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут-та жерге ұшып
Белый дербник пол минут-Лос на.землю летать-Сопv
кел-ді.
падать-Рst.

i) ‘Белый дербник за полминуты слетел на землю’.

ii) #‘Белый дербник за полминуты слетел на землю... но все-таки до нее не добрался’.

Несколько иначе выглядит отрицание результата действия в контексте обстоятельств типа ‘Х минут’. А именно, глаголы результата будут все также не допускать отрицания наступления конечного состояния:

(19) казахский

Отелло үш минут Дездемонаны өлтір-ді.
Отелло три минуты Дездемону убивать-Рst.

i) ‘Отелло три минуты убивал Дездемону’.

ii) #‘Отелло три минуты убивал Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(20) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут жерге түс-ті.
Белый дербник пол минут на.землю падать-Pst.

i) ‘Белый дербник полминуты падал на землю’.

ii) #‘Белый дербник полминуты падал на землю... но все-таки до нее не добрался’.

В то же время глаголы способа оказываются в данном контексте вполне приемлемы:

(21) казахский

Отелло үш минут Дездемонаны бауызда-ды.
Отелло три минуты Дездемону убивать-Pst.

i) ‘Отелло три минуты душил Дездемону.’

ii) ‘Отелло три минуты душил Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(22) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут жерге үш-ты.
Белый дербник пол минут на.землю лететь-Pst.

i) ‘Белый дербник полминуты летел к земле.’

ii) ‘Белый дербник полминуты летел к земле... но все-таки до нее не добрался’.

Таким образом, на примере глаголов способа действия видно, что вхождение в результирующее состояние не является частью их лексического значения, что отличает их от глаголов результата. Как показывают примеры (22)-(23), приобретение ими такого состояния в (16)-(17) — следствие взаимодействия с обстоятельствами типа ‘за X минут’, в других контекстах значение результата может и не наблюдаться.

СГ, содержащие оба глагола, также демонстрируют невозможность отрицания результата и с обстоятельствами типа ‘X минут’:

(23) казахский

Отелло үш минут Дездемонаны бауызда-п өлтір-ді.
 Отелло три минуты Дездемону душить-Сопв убивать-Pst.

i) ‘Отелло три минуты душил Дездемону’.

ii) #‘Отелло три минуты душил Дездемону... но она все-таки осталась жива’.

(24) казахский

Ақ тұрымтай жарты минут жерге ұшып
 Белый дербник пол минут на.землю летать-Сопв
кел-ді.
 падать-Pst.

i) ‘Белый дербник полминуты летел к земле’.

ii) #‘Белый дербник полминуты летел к земле... но все-таки до нее не добрался’.

Важным замечанием здесь является следующее: в отсутствие дополнительной информации, отрицающей результат действия, примеры с обоими типами обстоятельств ‘за X минут’/‘X минут’ вполне грамматичны. Неграмматичными в контексте отрицания результата становятся примеры, которые удовлетворяют одному из двух условий: i) содержат обстоятельства ‘за X минут’; ii) содержат глагол результата (только глагол результата либо глагол результата в составе СГ).

Тест на возможность отрицания результирующего состояния таким образом разграничивает для нас глаголы способа действия с одной стороны и глаголы результата/СГ с другой.

В тесте на отрицание конечного состояния используется тот факт, что, будучи достижениями и свершениями, глаголы результата не могут не содержать информации о таком состоянии. Аналогично этому устроен тест на наличие процессного компонента для глаголов образа действия — являясь деятельностями, такие глаголы не могут не передавать информации о том, что определенное время имел место некоторый процесс. Вот какие примеры приведены в статье [10]:

(25) английский

[10]

#Jim ran / jogged / blinked, but didn't move a muscle.

‘Джим бежал / трясся / моргал, но не двигал ни единым мускулом’.

(26) английский

[10]

Jim destroyed his car, but didn't move a muscle – rather, after he bought it he just let it sit on his neighbor's lawn on cinder blocks, untouched, until it disintegrated!

‘Джим разрушил свою машину, не шевельнув ни единым мускулом — скорее, после того как он ее купил, он просто оставил ее стоять на соседском газоне, на блоках из шлакобетона, нетронутой, пока она не рассыпалась!’

Как представляется, все исследованные нами тюркские глагольные лексемы, передающие значение образа действия, заведомо удовлетворяют этому условию, т. к. они «характеризуют такое воздействие агенса на пациенс, при котором лексически специфицируется характер деятельности агенса и характер процесса, происходящего с пациенсом» [2]. Именно так семантически устроены глаголы *жары-* ‘колоть’, *уру-* ‘бить’, *ұшы-* ‘лететь’, *жүзі-* ‘плыть’ и другие — они содержат информацию о том, какие именно физические действия осуществлял агенс.

Напротив, глаголы типа *өлтір-* ‘убивать’ задают лишь результирующее состояние, в которое переходит тема (=пациенс), не уточняя, каким именно образом осуществлялся переход. Так например, глагол результата *босат-*, каузатив от *боса-* ‘освободить’ (образованного от прилагательного *бос* ‘свободный’) может употребляться в следующих контекстах:

(27) казахский

<http://sozdik.kz>

- a. *ол белбеуін босатты* — он ослабил свой пояс
- b. *топырақты босату* — разрыхлять почву
- c. *қапты босату* — опорожнить мешок
- d. *үйді босату* — освободить помещение
- e. *абақтыдан босату* — выпустить из тюрьмы
- f. *ол біліксіздігі үшін босатылды* — его уволили за некомпетентность
- g. *активтерден босату* — освобождение от активов
- h. *әскерден босату* — воен. демобилизация

Как можно понять по этим примерам, физическое действие, передаваемое данным глаголом, никак не специфицировано – это может быть ослабление пояса, рыхление почвы, опустошение мешка, освобождение помещения и т. д. Для нас также важно, что

данный глагол регулярно образует СГ образа действия, см., например, (33) ниже.

Наличие либо отсутствие жестких ограничений на физический характер действия тесно связано еще с одним свойством: семантическими ограничениями на глагольные аргументы. Можно выделить три аспекта таких ограничений: i) выбор семантического типа прямого объекта; ii) обязательность прямого объекта; iii) выбор типа субъекта.

Что касается выбора семантического типа объекта – как можно убедиться в примере выше, он достаточно свободен для глаголов результата. Глаголы образа действия типа ‘колоть’, ‘душить’, ‘резать’, напротив, «выбирают» прямой объект с определенными физическими свойствами, приведем пример с глаголом ‘крутить’:

(28) казахский

- a. *Нурлан гайкаларды бұра-ды.*
 Нурлан гайки крутить-Pst
 ‘Нурлан закручивает гайки’.
- b. **Нурлан белбеуін бұра-ды.*
 Нурлан пояс крутить-Pst
 ‘Нурлан затягивает пояс’.

Далее, что касается обязательности объекта, примеры, предлагаемые предыдущими исследователями выглядят так:

(29) английский [10]

- a. *Kim scrubbed the floor.*
 ‘Ким скребла пол.’
- b. *All last night, Kim scrubbed.*
 ‘Весь прошлый вечер Ким скребла’.

(30) английский [10]

- a. *Kim broke the vase.*
 ‘Ким разбила вазу.’
- b. **All last night, Kim broke.*
 ‘Весь прошлый вечер Ким разбивала’.

Глаголы способа действия, как мы видим, допускают употребление без объекта, в то время как глаголы результата — нет.

Зависимость глаголов результата от наличия прямого объекта очевидна — именно прямой объект переходит в новое результирующее состояние, т. е. они являются семантически обязательными актантами. В случае директивных глаголов также имеется семантически обязательный участник — это финальная точка маршрута. Она может задаваться явно (*Белый дербник спустился к земле*) либо совпадать с дейктическим центром высказывания (*Белый дербник спустился*). При этом переход в новое состояние у директивов претерпевает участник, кодирующийся подлежащим — дербник из некоторого исходного положения попадает в положение ‘быть на земле’.

Как показывает опрос носителей, явного контраста между глаголами образа действия и результата в тюркских языках мы не наблюдаем. Прямой объект при глаголах способа действия, также как и семантически обязательные участники при глаголах результата (прямой объект) и директивах (конечная точка) могут отсутствовать в предложении и достраиваются слушающим на основании его знаний о прагматике ситуации. В примерах ниже приведены предложения с глаголами образа действия, глаголами результата и СТ — все они расценены как приемлемые:

(32) казахский

- a. *Нурлан гайкаларды бұра-ды.*
Нурлан гайки крутить-Pst
‘Нурлан закручивает гайки.’
- b. *Нурлан бұра-ды.*
Нурлан крутить-Pst
‘Нурлан крутит’.

(33) казахский

- a. *Нурлан гайкаларды босатады.*
Нурлан гайки освобождать-Pst
‘Нурлан раскручивает гайки.’
- b. *Нурлан босата-ды.*
Нурлан освобождать-Pst
‘Нурлан освобождает’.

(34) казахский

- a. *Нурлан гайкаларды бұра-п босата-ды.*
 Нурлан гайки крутить-Copv освободать-Pst
 ‘Нурлан раскручивает гайки.’
- b. *Нурлан бұрап босатады.*
 Нурлан крутить-Copv освободать-Pst
 ‘Нурлан раскручивает’.

Что касается выбора семантического типа подлежащего, для глаголов результата оказывается не важно, является ли субъект одушевленным:

(35) английский [10]

- a. *John broke/shattered the vase with a hammer.*
 ‘Джон разбил / расколол вазу молотком’.
- b. *The hammer broke/shattered the vase.*
 ‘Молоток разбил / расколол вазу.’
- c. *The earthquake broke/shattered the vase.*
 ‘Землетрясение разбило/раскололо вазу’.

В то же время глаголы образа действия предпочтительнее употреблять с одушевленным субъектом — только одушевленный субъект способен: i) контролировать процесс, задаваемый такими глаголами в течение некоторого времени и ii) реализовывать сложные физические характеристики (траектория движения, характер воздействия на объект и т.п.), которые кодируются этими глаголами. Как утверждается в [12] и [10], неодушевленный субъект при английских глаголах образа действия неуместен:

(36) английский [10]

- a. *John scrubbed/wiped the floor with a stiff brush.*
 ‘Джон скреб / протирает пол жесткой щеткой.’
- b. *#The stiff brush scrubbed/wiped the floor.*
 ‘Жесткая щетка скребла / протирала пол.’
- c. *#The earthquake scrubbed/wiped the floor.*
 ‘Землетрясение скребло/протирает пол’.

Тюркские глаголы результата и способа действия, однако, оказываются не столь чувствительны к семантическому типу субъекта. Как можно видеть из следующих примеров, и одуше-

ленный, и неодушевленный субъект одинаково приемлемы с глаголами способа действия, результата и СГ:

(37) казахский

- a. *Нурлан тез гайкаларды бұра-ды.*
Нурлан быстро гайки крутить-Pst
'Нурлан быстро закручивает гайки.'
- b. *Электр бұрағыш тез гайкаларды бұра-ды.*
электрический отвертка быстро гайки крутить-Pst
'Шуруповерт быстро закручивает гайки'.

(38) казахский

- a. *Нурлан тез гайкаларды босата-ды.*
Нурлан быстро гайки освободить-Pst
'Нурлан быстро раскручивает гайки.'
- b. *Электр бұрағыш тез гайкаларды босата-ды.*
электрический отвертка быстро гайки освободить-Pst
'Шуруповерт быстро раскручивает гайки'.

(39) казахский

- a. *Нурлан тез гайкаларды бұра-п босата-ды.*
Нурлан быстро гайки крутить-Conv освободить-Pst
'Нурлан быстро раскручивает гайки.'
- b. *Электр бұрағыш тез гайкаларды бұра-п босата-ды.*
электрический отвертка быстро гайки крутить-Conv освободить-Pst
'Шуруповерт быстро раскручивает гайки'.

Итак, мы попытались найти отличия в семантических свойствах тюркских глаголов результата и образа действия. Было установлено, что в отличие от английского языка, тюркские языки не демонстрируют явного контраста при опущении объекта у глаголов результата и способа действия. Тюркские языки также нечувствительны к семантическому типу субъекта у глаголов образа действия. С другой стороны, глаголы результата и, как следствие, СГ, в которые они входят, не могут употребляться в контексте отмены конечного состояния, что отличает их от глаголов способа действия. Глаголы образа действия, но не глаголы ре-

зультата оказываются более избирательны при выборе прямого объекта, что связано со сложным физическим характером кодируемого ими действия.

5. СГ как сериальные конструкции

В данной части работы будут сформулированы основные результаты. Обсуждение СГ мы начали с наблюдения о том, что в тюркских языках регулярно встречаются последовательности из двух соположенных глаголов, первый из которых стоит в форме конверба на *-н* и является глаголом способа действия, а второй принимает релевантные в данном контексте окончания и является глаголом результата.

Приведем некоторые дополнительные примеры значений СГ:

Таблица 1.

Образ действия + результат	Образ действия + директив
бить + вводить = вбить	лететь + приходить = прилететь
давить + вводить = вдавить	плыть + приходить = приплыть
думать + находить = изобрести	лететь + проходить = пролететь
крутить + освобождать = раскрутить	плыть + проходить = проплыть
тянуть + сбивать = стащить	плыть + проходить = переплыть
стрелять + сбивать = подстрелить	ползти + проходить = переползти
давить + убивать = задавить (машиной)	прыгать + проходить = пере- прыгнуть
душить + убивать = задушить	лететь + спускаться = слететь
колоть + убивать = заколоть	лететь + уходить = улететь
резать + убивать = зарезать	плыть + уходить = уплыть
мыть + уводить = смыть	побежать + уходить = убежать

Очевидно, что механизм образования СГ продуктивен и не имеет иных ограничений кроме семантических. Чтобы образовать СГ, достаточно поставить глагол способа действия в форму конверба, а глагол результата — в требуемую внешним контекстом форму.

Явление, определенное нами как сложные глаголы образа действия, представляется реализацией регулярно встречающейся

в языках мира сериальной конструкции, см. [7], [8], [9], [6] и т. д. Применительно к тюркскому материалу этим термином принято обозначать употребление вспомогательных глаголов ограниченного списка, передающих видовременные и модальные значения.

В число вспомогательных или сериальных тюркских глаголов принято включать около двадцати лексических единиц, среди которых обычно упоминают рассмотренные нами глаголы направленного движения. Исследователи тюркских языков едины в выделении особого типа конструкций со вспомогательными глаголами, в т. ч. глаголами направленного движения. Так, например, в [4: 44-76] указываются такие значения карачаево-балкарских глаголов: *чыкъ*- «констатация факта с модальным оттенком; исчерпанность действия от начала до конца, без остатка»; *ѣт*-, ‘проходить’ — «интенсивный результат действия»; *кел*-, ‘идти’ — «длительное действие, результат действия, нарастание действия, действие, переходящее в свойство»; *кет*-, ‘уходить’ — «действие, совершаемое нечаянно, без воли субъекта; действие, совершенное полностью, без остатков, без возврата; чуть не совершившееся действие или действие результативное».

Относительно этих и других глаголов направленного движения уместны следующие замечания. Во-первых, данные глаголы, будучи употреблены с глаголами способа передвижения, дают директивные СГ. Во-вторых, каузативы данных глаголов в сочетании с переходными глаголами образа действия дают результативные СГ со значениями ‘притащить’, ‘угнать’ и проч. Наконец — и это наиболее важное для нас наблюдение — среди сериализующих тюркских глаголов никогда не упоминаются лексемы со значением ‘убивать’, ‘освобождать’, ‘находить’ и т. п. Отличие последних глаголов от глаголов направленного движения состоит в том, что они действительно не образуют конструкций, передающих видовременные и модальные значения. Однако для глаголов направленного движения среди прочих вспомогательных значений выделяются такие как: *кет*-, ‘уходить’ — «движение от субъекта, от говорящего, с результативным значением»; *кир*- ‘входить’ — «войти внутрь чего-нибудь», [4:44-76].

Как представляется, для более адекватного описания тюркских языков следовало бы сделать следующие уточнения: i) отделить вспомогательные глаголы, передающие грамматические

значения, от глаголов с результивной семантикой; ii) рассматривать конструкции с деепричастиями на *-n* и результивными глаголами ('убивать' 'освобождать',...) наравне с конструкциями, передающими пространственные «результивные» значения.

Все сериальные конструкции объединяются одним общим свойством – они позволяют употребление двух глагольных групп внутри общей проекции временной вершины (TP). Конкретные правила образования сериальных конструкций и их лексический состав отличаются от языка к языку. В то же время существует некоторое количество устойчивых комбинаций глагольных значений, повторяющихся от языка к языку. Одним из таких случаев является сочетание двух глаголов, задающих процесс перехода внутреннего участника в некоторое результирующее состояние, – так называемые результивные сериальные конструкции, см. [16: 4], [9], [15]. Как было замечено предыдущими исследователями, см., например, [15], результивные сериализации в языках мира можно подразделить на два основных типа: в одном случае, см. пример (40) из языка эдо, результирующее состояние задается непереходным глаголом; в другом, см. пример (148) из сармакан, — переходным:

(40) эдо [9:3]
Òzó ghá gbè èwé wù.
 Озо FUT бить козел умирать
 'Озо забьет козла.'

(41) сармакан¹ [16:4]
A náki hen kíi.
 3sg hit 3sg kill
 'Он забьет его до смерти' (букв. 'Он забьет его до мертвым').

Случай результивных сериализаций с непереходной второй частью представлен примером (40). Он имеет одно важное сходство с СГ, а именно – в обоих типах конструкций оба глагола имеют один общий аргумент. Такое явление стало известно как «Argument Sharing», использование общей аргументной структуры. Сериальные конструкции, прибегающие к обобщению аргу-

¹ Сармакан — креольский язык Суринама на основе английско-го.

ментной структуры, принципиально отличаются от конструкций со вспомогательными глаголами, передающими видовременные и модальные значения.

Общая аргументная структура характерна и для второго типа сериализаций, который предельно похож на тюркские СГ. Главное отличие состоит в направлении ветвления. Как видно из примера (41), общий для двух переходных глаголов внутренний участник располагается между ними. Тюркские СГ сохраняют относительное расположение вершины и зависимого для обоих глаголов. Как можно понять, анализировать тюркские СГ так же, как сериальные конструкции в языках с интерпозицией внутреннего аргумента, невозможно.

Если говорить о сериальных конструкциях с результативной семантикой, можно сделать следующее наблюдение. Данная конструкция регулярно встречается в языках мира, причем формы, в которых она находит свою поверхностную реализацию, пусть и ограничены, но, естественно, различаются от языка к языку, см. [9].

На наш взгляд, сериальные конструкции с общей аргументной структурой являются столь типологически устойчивыми по двум причинам. Первая из них — обсужденный нами выше запрет на сочетание значения образа действия и результата/направленного движения. Вторая причина повторяемости сериальных значений в языках мира имеет функциональную природу. А именно, значения (и структуры), соответствующие сериальным глаголам, встречаются в некотором конкретном языке более чем регулярно.

Действительно, часто сообщение об изменении состояния объекта необходимо сопроводить информацией о том, каким образом он переходил в новое состояние. Подобные сочетания значений соответствуют СГ результата и передаются в русском при помощи префиксации глаголов способа действия: *за-душить*, *открутить*, *при-думать* и т. д. Похожие рассуждения применимы и к директивным СГ. У говорящего регулярно возникает потребность в уточнении способа, которым было преодолено расстояние, ср. русское *про-плыть*, *пере-лететь*, *при-бежать*.

Как в случае результативных, так и в случае директивных значений русский язык использует префиксацию для обозначения

результатирующего состояния, в то время как глагольная основа задает способ изменения этого состояния. Русский язык, таким образом, также подчиняется обобщению Раппапорт-Ховав–Левин. Одна и та же глагольная основа не может содержать информации и о способе, и о результате действия. Стратегия, используемая русским языком для выражения столь востребованной (но не выразимой в рамках одной основы) информации — сочетание основы (Manner) и префикса (Result).

Итак, языки, поверхностный синтаксис которых позволяет образовывать сложные глагольные группы, подчиненные одной временной вершине (TP), выражают значения типа ‘задушить’, ‘открутить’, ‘придумать’ и значения ‘проплыть’, ‘перелететь’, ‘прибежать’ и т. д. при помощи сериальных конструкций с общим аргументом. К этой стратегии прибегают и тюркские языки.

6. Заключение

В данной работе мы исследовали сочетания глагола образа действия и глагола результата/направленного движения, образующие сложную глагольную группу в тюркских языках. Конструкции с такими глагольными сочетаниями продуктивны и регулярно встречаются в текстах и речи. Несмотря на то, что в словарях подобные парные сочетания часто описываются как новые глагольные значения, более корректным представляется подход, при котором порождение СГ образа действия и результата рассматривается как продуктивный языковой механизм, единственное ограничение на образование таких конструкций — лексическое значение глаголов.

Исследовав дихотомию образ действия — результат, мы установили:

i) обобщение Раппапорт-Ховав–Левин о несовместимости значений образа действия и результата/направленного движения, см. [13] в одной глагольной лексеме в целом подтверждается тюркским материалом;

ii) глагол результата (но не способа действия) подразумевает задание (необратимого) конечного состояния, в которое переходит внутренний участник;

iii) глаголы образа действия (но не результата) задают специфический способ протекания действия;

iv) и то, и другое свойство (необратимость результата и сложный физический характер действия) наследуются СГ;

v) ожидаемые согласно [11] селективные ограничения на субъект глаголов образа действия не актуальны для тюркских языков;

vi) как глаголы образа действия, так и глаголы результата оказываются грамматичны в отсутствие выраженного прямого объекта вопреки [11].

Таким образом, в общем случае предсказание Раппапорт-Ховав и Левин, сделанное на материале английского языка, выполняется и для тюркских языков. Именно в силу несовместимости значений образа действия и результата тюркские языки развили способность «глубокого» сочинения, реализуемую ими в виде СГ.

Следующие выводы представляются нам важными с точки зрения теории и типологии сериальных конструкций. Как мы показали, образование СГ образа действия и результата в тюркских языках возможно не благодаря каким-либо свойствам глагола V2, как это принято было считать прежде, а благодаря возможности сочинения на уровне VP отдельных участков лексической структуры у глаголов с определенной семантикой. Подобный процесс является специфической тюркской реализацией некоторой типологически распространенной стратегии к образованию сложных глагольных групп внутри проекции TP (Tense Phrase, временной составляющей).

Если предпринять попытку обобщения еще более высокого уровня, можно сказать, что правила организации (структуры) лексического значения, запрещающие сочетание некоторых семантических компонент в рамках одной лексемы, приводят к тому, что подобные комбинации значений реализуются на несколько более высоком, надлексическом уровне. В русском языке невозможность лексического выражения результата и способа действия приводит к появлению надлексической префиксации (*задушить, переплыть* и т. д.), в то время как в других языках — к образованию сериальных конструкций (тюркские, эдо) или употреблению фразовых глаголов (английское *swept off, shoot down*).

Литература

- [1] У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1973.
- [2] Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Б. Шлуинский, А. Г. Пазельская. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.
- [3] С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. на соискание ученой степени д. филол. н. МГУ, М., 2010.
- [4] М. М. Текуев. О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1979.
- [5] Э. Р. Тенишев, Х. И. Суюнчева (ред.). Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1989.
- [6] A. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.) Serial Verb Constructions: Cross-linguistic Typology. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- [7] M. Baker. Object sharing and projection in serial verb constructions // Linguistic Inquiry 20, 1989. P. 513–553.
- [8] M. Baker, O. T. Stewart. On the double-headedness and the anatomy of the clause. Ms., Rutgers University. 1999.
- [9] M. M. Baker, O. T. Stewart. A serial verb construction without constructions. Ms., Rutgers University, 2002.
- [10] J. Beavers, A. Koontz-Garboden. Manner and result in the roots of verbal meaning // Linguistic Inquiry 43, 3, 2012. P. 331-369.
- [11] B. Levin, M. Rappaport Hovav. Lexicalized Meaning and Manner/Result Complementarity. Ms. Stanford University and The Hebrew University of Jerusalem, 2011.
- [12] B. Levin. A constraint on verb meanings: Manner/result complementarity. Talk presented at Cognitive Science Department Colloquium Series, Brown University, Providence, RI, March 17, 2008.
- [13] M. Rappaport Hovav, B. Levin. Building verb meanings // M. Butt, W. Geuder (eds.). The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors, Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 97-133.
- [14] M. Rappaport Hovav, B. Levin. Reflections on manner/result complementarity // E. Doron, M. Rappaport Hovav, I. Sichel (eds.). Syntax, Lexical Semantics, and Event Structure. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. , 21-38.
- [15] N. Tomioka. The lexicalization patterns of verbs and V-V compounds // D. Beermann, L. Hellan (eds.). Proceedings of Workshop on Multi-Verb Constructions, Trondheim, 2004.
- [16] T. Veenstra. Verb serialization and object position // Linguistics 38, 5, 2000. P. 867-888.